

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

НЕПРИДУМАННЫЕ ИСТОРИИ,
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА,
РАССКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Галина Владимировна Коробкина
Александра Васильевна Торопова
Генрих Михайлович Мартюгов
Николай Иванович Емельянов
Таисия Николаевна Рогаткина
Александра Васильевна Ярцева
Владимир Алексеевич Горячев
Елена Свирьяновна Андриянова
Андрей Арсеньевич Новожилов
Руфина Константиновна Бодрякова
Иван Михайлович Горбунов
Валентина Георгиевна Правдаина
Александр Михайлович Халин
Александр Иванович Шахов
Галина Васильевна Слишкевич
Татьяна Андреевна Рогачева
Тамара Николаевна Погромская
Александр Георгиевич Рязанцев
Борис Николаевич Ильин
Юлия Борисовна Лемеш

**Живая память.
Непридуманнные истории,
документальные свидетельства,
рассказы очевидцев о
Великой Отечественной**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23785345
SelfPub; 2017*

Аннотация

Книга «Живая память» – это крупницы Истории Великой Отечественной войны, довоенного и послевоенного времени, сохранившиеся в документах семейных архивов, фронтовых письмах, памяти внуков и воспоминаниях очевидцев. Эти бесхитростные истории жизни, искренние, простые и очень личные, несомненно оставят глубокий эмоциональный след в душе читателя.

Содержание

Предисловие к электронному изданию	5
Предисловие к бумажному изданию	9
ЯРКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПОБЕДЫ ДУХА НАД СМЕРТЬЮ.	10
ВОСПИТЫВАЕТ, ОБЪЕДИНЯЕТ, РОДНИТ[6].	14
МЫ, УСТЬ-ИЖОРСКИЕ	16
МЫ, УСТЬ-ИЖОРСКИЕ.	16
МЫ БОГАТЫЕ! У МЕНЯ БУХАНКА ХЛЕБА!	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Предисловие к электронному изданию

Мой дед рассказывать о войне не любил и не мог. Вслух вспоминал в основном забавные курьезные случаи; трагичной памятью никогда не делился, говорил только: «Страшно было... очень страшно».

Боясь потревожить память о военных детстве и юности приглашённых пожилых людей, организаторы празднования Дня Победы в кругу прихожан храма святого благоверного великого князя Александра Невского в Усть-Ижоре (Санкт-Петербург), никоим образом не планировали какие-либо расспросы. Рассказ о том страшном тяжёлом времени начали они, наши гости: дети войны, блокады, оккупации; бывшие узники фашистской Германии; ветераны боевых действий, а все вместе – прихожане церкви святого Александра Невского. И подумалось: если сами люди готовы говорить, значит, их истории должны быть услышаны.

Так, благодаря труду неравнодушных людей, записавших рассказанные истории, а также финансовой поддержке муниципального совета и местной администрации п.Металлострой, в 2013 г. вышло 2-е издание сборника «По крупицам

о войне»¹, дополненное² тремя новыми разделами: «Рассказы прихожан» (с устными историями), «Рукописные памятники» (с фронтовыми письмами), «Мы знаем о войне» (с сочинениями школьников п.Металлострой о своих родных – героях Великой Отечественной).

Довольно быстро набрались материалы для нового сборника, и в 2016 г. небольшим тиражом в 130 экземпляров вышла в свет книга «Живая память»³. В сборе материалов, как и раньше, приняли участие прихожане Александро-Невского храма, а также жители посёлка Усть-Ижора, контакты которых предоставила местная администрация.

Я благодарна моим друзьям и знакомым за помощь в издании этой книги. Знакомство с усть-ижорцами состоялось благодаря главе МО п.Усть-Ижора Александру Поречному. Встречались и беседовали с авторами Мария Кириллова и Анжела Темирова. Анна Опанасенко, Юлия Нагорная, Мария Елагина и Юлия Неустроева помогали в расшифровке бесед, обработке рукописей. Дизайн обложки сделал Михаил

¹ По крупичам о войне: Воспоминания ветеранов Металлострой, Усть-Ижоры, Понтонного. СПб., п.Металлострой,2010 (первое издание книги, вышедшее при содействии Муниципального совета МО п.Металлострой).

² По крупичам о войне: Воспоминания ветеранов Металлострой, Усть-Ижоры, Понтонного. Изд.2-е, доп. СПб., п.Металлострой,2013. ISBN: 978-5-9904875-1-2.

³ Живая память. Непридуманные истории, документальные свидетельства, рассказы очевидцев о Великой Отечественной. СПб., 2016, ISBN: 978-5-990-836-5-9-4.

Нечаев. Типографские расходы разделили со мной Галина Коробкина, Денис Патрин, Владимир Кулиш, Татьяна Константинова, Ольга Прусакова, Александр Попов, Анна Смолловская, Анна Опанасенко, Анжела Темирова, Виктор Ерёмкин, Всеволод Нагаенко, Антон и Светлана Макаровы, Николай и Антонина Леонтьевы, Ольга Березина, Наталья Левшина, Олег и Анна Гончаровы, Валентина Топал, Светлана и Валерия Конычевы, Ольга Пушкарёва, Ольга Зиновьева, Татьяна Лукьянова.

Не все, но многие истории были записаны на диктофон, и в этих случаях нам с редактором книги, Татьяной Андреевной Рогачёвой очень хотелось сохранить стиль беседы, стиль устного рассказа. Бережно и деликатно редактируя материал, Татьяна Андреевна сохранила колорит живого рассказа, индивидуальный авторский стиль. В документальных свидетельствах того времени – письмах и дневниках – намеренно сохранены авторские орфография и пунктуация.

Татьяна Андреевна ушла из жизни 28 декабря 2016 г. В августе 2016 отпраздновала 70-летний юбилей. Она была немногим младше авторов очерков. Наверное, немало могла бы рассказать о послевоенном времени, но скромно держалась в тени. Рогачёва – редактор нескольких изданий военных воспоминаний: «Помним», «Как это с нами было», обеих книг «По крупницам о войне». В книге «Живая память» полностью опубликованы письма Георгия Шулёпова. Эти письма, случайно оказавшиеся в семье Татьяны Андре-

евны, она хранила 20 лет. Частично опубликовав их во втором издании книги «По крупицам о войне», Рогачёва мечтала о полной публикации, считая это своим моральным долгом.

Я благодарна всем участникам проекта за радость, которую мы смогли доставить нашим авторам, подарив им авторские экземпляры, а значит их потомкам – память – живую память – о минувших событиях. К сожалению, мизерный тираж делает книгу недоступной для широкого круга читателей. К счастью, почти все авторы дали согласие на публикацию книги в сети Интернет, результатом которого стал настоящий электронный вариант, включающий в себя 20 из 22 двух историй «бумажной» книги с исправлением всех обнаруженных ошибок предыдущей версии.

Софья Казакевич, составитель

Предисловие к бумажному изданию

«Живая память» – это сборник, в который вошли рассказы 22 авторов о Великой Отечественной войне. В большинстве своём они сами были её свидетелями, а некоторые даже участниками. Здесь приводятся письма с фронта, вошедшие в том виде, как их писали в окопе, землянке, госпитале, т.е. без каких-либо правок.

В сборе свидетельств помогали прихожане церкви Святого князя Александра Невского в Усть-Ижоре. Они таким же образом принимали участие во втором издании книги «По крупицам о войне» (разделы «Рассказы прихожан» и «Рукописные памятники») (ООО «Редакция газеты «ОКНО» в г.Колпино – СПб, Металлострой, 2013). В своё время мы получили различные отклики письменные и устные на эту книгу. Нашлись люди, которые пожалели, что не участвовали в выходе сборника «По крупицам о войне». И мы решили предоставить им эту возможность в новом издании – книге «Живая память».

Софья Казакевич, составитель

Татьяна Рогачёва, литературный редактор

ЯРКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПОБЕДЫ ДУХА НАД СМЕРТЬЮ.

Священник Андрей Новожилов

*Народ, не знающий своего прошлого,
не имеет будущего*
М.В.Ломоносов.

Когда около шести лет назад прихожанка церкви Св.Александра Невского, где я тогда служил, в посёлке Усть-Ижора Софья Казакевич впервые рассказала мне о замысле второй книги «По крупицам о войне» с разделом «Рассказы прихожан», я, конечно, с радостью поддержал это начинание. Для меня было совершенно очевидно – память о войне и подвиге наших близких должна быть вечной. То поколение, к которому я принадлежу, – это дети тех, кто воевал. Это те, кто имеет ещё живую память из первых уст, свидетельства своих отцов и матерей – участников войны.

Моему отцу было 17 лет, когда в 1942 г. он оказался на фронте. Был ранен, награждён орденом Славы. Правда, рассказывать о войне не любил. Моя родная тётя, которая нянчила меня, а потом и мою дочь, не была в эвакуации – всю блокаду прожила в осаждённом Ленинграде. Мы многое

слышали от них, читали книги, воспитывались на фильмах о войне; для нашего поколения связь с войной остается ещё очень близкой. Поэтому, когда я взял в руки только что изданный экземпляр книги «По крупичам о войне», то скажу честно – никаких особенных «открытий» для себя я не ожидал. Мне довольно трудно объяснить, но, читая книгу, я с каждой страницей всё отчетливей ощущал то состояние, которое за давностью лет я уже почти позабыл. Книга настолько пропитана живой памятью о войне, что не может оставить равнодушным никакого читателя – от подростка до ветерана. Эти свидетельства просты и безхитроствы⁴, но за ними отчётливо слышен высокий дух мужества, самопожертвования и героического терпения. Для меня, как приходского священника, некоторые рассказы имеют особое значение – ведь в них я узнаю моих прихожан, тех «бабулек», которые каждое воскресенье приходят на службу и о подвиге которых мы практически ничего не знаем.

То, что рассказано в обеих книгах «По крупичам о войне»⁵ и в этой новой книге «Живая память», – безценно, и с

⁴ Слова «безхитроствы», «безценно» и «безсмертен» о. Андреем написаны так намеренно. По старым правилам в русском языке не было приставки «бес-», только «без-». Новые правила были введены наркомом просвещения Луначарским после Октябрьской революции 1917 г.

⁵ По крупичам о войне: Воспоминания ветеранов Металлостроя, Усть-Ижоры, Понтонного. СПб., п.Металлострой, 2010. По крупичам о войне: Воспоминания ветеранов Металлостроя, Усть-Ижоры, Понтонного. Изд. 2-е, доп. СПб., п.Металлострой, 2013.

годами будет всё более необходимо. В этих строках великая красота подвига человеческого духа, живой и яркий пример «будничного», «рядового» героизма. Как священник, могу добавить: это истинно христианский героизм, хотя большинство героев этой книги тогда об этом не подозревали.

Сейчас много правильных слов говорится о патриотизме, о любви к Отечеству, об утерянных связях поколений. Мы стараемся противостоять оголтелой информационной войне, когда пытаются стереть из памяти нашей молодёжи правду о войне, о высоком подвиге их дедов и прадедов. И здесь такие книги совершенно незаменимы, ведь, читая их, человек пропитывается, «пронизывается» высоким Духом христианской любви, в нём возгорается желание последовать примеру своих забытых героев.

Живой человек – это человек Духа, и он бессмертен. Если Духа нет, человек мёртв, он парализован, он не сможет ничего построить, никого защитить. Книга «По крупицам о войне» есть яркое и документальное свидетельство победы Духа над смертью. Читая эти простые рассказы, мы предельно близко подходим к самой сути христианства – незаметному вечному подвигу любви ради ближнего, ради Отечества, и, в конечном счете, – ради Христа.

Есть хорошие стихи Роберта Рождественского:

*Вспомним всех поимённо,
Сердцем вспомним своим...
Это нужно не мёртвым,
Это надо – живым.*

Те, кто совершил свой подвиг и уже ушёл, имеют свою вечную славу: там, где смерть уже не властна. Те, кто ещё в пути, должны помнить слова Спасителя: «Будь верен Мне даже до смерти, и будешь иметь жизнь вечную».

Читая «Живую память», как и предыдущие оба издания «По крупицам о войне», и вспоминая наших «негероических героев», отдавших свою жизнь за наше будущее, мы соединяемся с ними духовно, и эта память – наша дорога в Вечность.

*Настоятель храма
Святой Живоначальной Троицы в Ораниенбауме
протоиерей Андрей Новожилков
18 января 2016 г.*

ВОСПИТЫВАЕТ, ОБЪЕДИНЯЕТ, РОДНИТ⁶.

Галина Коробкина

Книга «По крупичам о войне», особенно в эти «блокадные» дни, стала нашей «настойной» книгой. Вечерами, когда все дела в основном закончены, выучены уроки, все дети и взрослые (педагогический и медицинский персонал) собираются в игровой комнате. Мы начинаем чтение этой замечательной книги. Тёплое, незамысловатое повествование. Как будто рассказывает человек просто, в душевном разговоре, находясь рядом со слушателями. Читаем понемногу – то, что нам на данный момент интересно. О детях, о том, как жили в войну; как начиналась блокада, как закончилась. О взаимопомощи, о труде, о трудностях. Наши дети всегда слушают с большим вниманием, задают много вопросов. Для нас очень важно, что события из книги происходили прямо здесь, на той же земле, где живём и мы: в Рыбацком, в Усть-Ижоре, Металлострое, Понтонном, Колпино. Часто сопро-

⁶ Об опыте работы с книгой "По крупичам о войне" в Федеральном казенном учреждении "Республиканская клиническая инфекционная больница" Минздрава России (лечебное отделение для детей 12-16 лет, оставшихся без попечения родителей)

вождем комментарием: «А это там, где живёт наш воспитатель; а это там, где живёт наша медсестра», что вызывает живой отклик в ребятах, очень роднит, объединяет, воспитывает.

Читаем небольшими отрывками, останавливаемся, обсуждаем, стараемся понять и представить: каково это – жить в таких условиях? Что придавало людям силу жить? Вспоминаем истории своих родственников. Что-то приходится объяснять: что такое «зажигательные бомбы», «противотанковые заграждения», «аэростаты».

Как важно, как здорово, что наши дети, подрастающее поколение слышат про нашу настоящую историю непосредственно от тех, кто переживал и видел блокаду, войну. Ведь сейчас столько всяких кривотолков и домыслов, которые очень запутывают молодёжь!

После чтения, можно сказать после хорошей подготовки, смотрим фильмы. Чаще – советские, про детей блокадного Ленинграда. Наши дети с большим теплом говорят, что им очень нравится, когда мы читаем книгу «По крупицам о войне».

*Психолог Галина Коробкина
1 февраля 2014 г.*

МЫ, УСТЬ-ИЖОРСКИЕ

МЫ, УСТЬ-ИЖОРСКИЕ.

Александра Торопова

Первые поселения на Неве появились ещё до Александра Невского. По берегам были сплошные леса, в которых люди прятались, опасаясь набегов. Когда пришёл новгородский князь Александр Ярославич, которому предстояло стать Невским, шведские корабли выстроились на правом берегу, напротив устья Ижоры. Дружинники Александра переплыли на правый берег и подожгли вражеские корабли. После Невской битвы в наших краях стали появляться основательные поселения: Рыбацкое, Ижоры, Ивановское. К XX в. Усть-Ижора разрослась до 2000 дворов. Первая церковь здесь была деревянная, и она сгорела. Второй деревянный храм простоял 67 лет и тоже сгорел. Со временем, когда мужики-крестьяне стали зажиточными, они решили на свои деньги построить каменную церковь.

В Усть-Ижоре Пётр I встречал раку с мощами Александра Невского (30 августа по старому стилю 1724 г., по новому 12 сентября), здесь же дал земли графу Меншикову, кото-

рый, однако, тут жить не стал. Когда из Ижоры и Рыбацкого на Северную войну добровольно ушёл каждый пятый, Екатерина II поставила памятные обелиски жителям обеих деревень. В наших краях Павел I начал строить Александровскую мануфактуру. Он пригласил работать на неё рыбацких и ижорских мужиков, но те отказались: рыбацкие сказали, что живут ловлей рыбы; ижорские сослались на то, что они – крестьяне.

Транспорт был в основном гужевой. Однако самым доступным был речной транспорт. По берегу реки Ижоры построили три кирпичных завода. Они долго существовали. На моей памяти многие наши мужики работали на Ижорских заводах. На работу ходили пешком; дорога была очень плохая, глинистая, шла по самому краю реки. Весной и осенью она всегда была грязной, летом – пыльной. Была и другая, верхняя, просёлочная дорога; но ходили по ней только рабочие. В то время шесть километров пешком до работы – это не круг, не то, что теперь: одна автобусная остановка считается «далеко».

Фамилий раньше не было, только клички, из которых потом и образовались фамилии. Я – Торопова Александра Васильевна. Мой двоюродный брат изучал архив и нашёл нашу фамилию в документах XIV в., а родной брат выяснил, что наш род поселился здесь ещё раньше. Ижорские фамилии: Шишкины, Правдины, Шаховы, Тороповы, Емельяновы, Малозёмовы. Раньше люди жили очень большими семья-

ми, из-за этого в Ижоре много однофамильцев. У отца моего было 5 детей, я самая младшая, у деда – 6 детей. В старой Ижоре все были родственниками: кто Правдин, кто Малозёмов, кто Торопов: женились, замуж выходили – так все и роднились.

Прадед мой, Дмитрий Васильевич, имел суда. Однажды на Ладоге он попал в шторм, и на Кошкинском фарватере все суда утонули. Дмитрий Васильевич нанял работников, чтобы поднять суда, но всё ценное уже было поднято «пиратами». Вернулся прадед домой, поднялся на второй этаж, бросил шапку и говорит: «Всё, мы разорились. У нас ничего нет». Земля, на которой сейчас наш дом стоит, тогда пустовала (дом прадеда стоял чуть подальше, у мостика). Купил Дмитрий Васильевич эту землю и построил гостиницу. А наш дом был на горе.

В 1919 г. Ижора горела: сгорели 17 домов. Было это в Ни-колу летнего, ветер дул такой сильный, что головёшки лета-ли. Сгорел и наш дом, из вещей не удалось спасти ничего. После пожара наша семья ушла жить на каморы – это сараи с настилами внутри, на которых сушили кирпич. Лето про-жили в сарае, а к концу осени построили конюшню и пере-брались жить туда. Ижора вновь начала строиться. Строи-лись так: сегодня все у Ивана, завтра – у Петра. Ижорцы бы-ли дружными, всё делали вместе, друг другу помогали. Уже через год, в 1920 г., на месте дедовой гостиницы построили дом, в котором я живу по сей день. Он был построен по про-

екту дяди Вани Шишкина, родного брата моей бабушки со стороны отца, Прасковьи Михайловны Шишкиной. Шишкины в Ижоре были уважаемы.

Бабушка с маминой стороны была Макарова, жила в Московской Славянке. А прабабушка была внебрачной дочерью князя Юсупова, и тот отдал её жить к попу. Батюшка научил прабабушку грамоте, и прабабушка прислуживала во дворце в Пушкине. За службу прабабушку удостоили пикейным покрывалом, и это покрывало до сих пор живо! Оно досталось бабушке, потом маме, потом мне. А теперь оно у дочки.

Ещё одна знаменитая ижорская фамилия – Кононовы. Их дом из красного кирпича сейчас совсем разрушен.

В советское время он переходил из рук в руки: сначала там были квартиры, потом – какая-то организация, лесопилка. Кононовы держали общественную баню в два этажа: наверху женское отделение, внизу – мужское. Баня стояла у самой воды, а вода тогда была чистая – ведь сбросов в Неву не было; мы всю жизнь пили невскую воду. Баня тоже не сохранилась – сейчас на её месте построена детская площадка.

Первая школа в Ижоре была в здании муниципального совета. Там училась моя мама. Когда пришла Советская власть, школа переехала в захаровский дом. На 2000 домов у нас было две школы: одна в захаровском доме (ещё и в пристройке классы были), другая – рядом по Шлиссельбургскому шоссе. Учились мы в 2 смены, в классе было по 25–30 детей. Вот какая Ижора большая была.

Десятилетки до 1937–1938 гг. в Ижоре не было, старший брат оканчивал школу в Петербурге. Железная дорога тогда работала нормально, поезда ходили по расписанию. Брат ездил в город на поезде. Второй брат (младше старшего на 3 года) в десятилетке учился уже здесь. Если ребёнок заканчивал десятилетку, на выпускной обязательно приглашали родителей. Накрывали для них столы, поздравляли с тем, что они вырастили таких детей. Обязательное образование было 7 или 10 лет. После 7-го класса уходили в техникумы, профучилища. В Усть-Ижоре есть свои знаменитости. Владимир Николаевич Емельянов стал директором ижорского судоремонтного завода на Понтонном. Александр Николаевич Торопов – директором фанерного завода. Мой старший брат, Павел Васильевич Торопов, закончил Ленинградскую военно-медицинскую академию и стал главврачом полка. Это первые на моей памяти, кто непростыми людьми стали в советской Ижоре.

Соцгород (теперь посёлок Металлострой), Понтонный и правый берег Невы до войны принадлежали Усть-Ижоре. Напротив нас, на правом берегу Невы, была немецкая колония. В Ижоре были председатель поссовета, секретарь, военный стол и загс – только 4 человека. В Соцгороде тогда всего 3–4 дома было. А на ту сторону Невы на лодках переезжали. Дети из немецкой колонии с правого берега тоже учились в нашей школе. Никакого разделения на «наших» и «ваших» у нас не было, мы и внимания не обращали, что они нем-

цы. Знали, что с той стороны, звали их «колонистами». По-русски они говорили нормально. Если в доме было заведено говорить по-немецки, может, кто-то и говорил. После войны председателем колхоза на той стороне был Беккер – из тех немцев, которые вернулись обратно из ссылки. Напротив посёлка Понтонный была пассажирская пристань. Раньше мы ездили только на пассажирских пароходах: «Гражданин», «Республика», «Каганович», ходили ещё небольшие катера. Пароходы ходили от Петрокрепости, наши остановки были: «Ижора» (рядом с нами), «Лесопарк» (на правом берегу), «Станционный» (у Володарского моста) и «Смольный». Так мы добирались в город. Пароход приставал то к одному берегу, то к другому, ходил по фарватеру.

Самоходного грузового флота на Неве до войны не было – только буксирный. Маленькое судно называлось «Каюк», судно побольше – «Фонтанка», самое большое – «Берёлинос». Лес сплавляли «гонками», плотами и пучками, но никак не на судах. Для фанеры (с фанерного завода) делали ёлочный подплотник, сверху клали берёзовый плот. Позже появились суховозы. А первое самоходное судно пришло на Неву после Отечественной войны. Грузоподъёмность всего 700 тонн – совсем небольшое. Оно утонуло в Ладожском озере, когда шло последним рейсом со Свири через Ладогу. Ночью, в шторм, капитан попросил разрешения пройти через Ладогу. Свирский диспетчер ему проход запретил, а питерский – разрешил. В результате судно утонуло, погибли ко-

манда и капитан. Позднее стали ходить большие суда, грузоподъёмностью по 2–3 тысячи тонн: «Волга-Балт», «Волга-Нефть». Невские пороги пришлось углубить, изменились и невские берега, и течение.

Мы – новгородские ижорцы, а самые первые ижорцы поселились на Охте. Они до сих пор существуют, я с ними даже как-то встречалась, и мне они очень понравились – они свою культуру берегут: говорят на ижорском языке, танцуют народные танцы. Да и в Усть-Ижоре культурные традиции берегли. Родители к нашему воспитанию относились серьёзно. Отец следил, чтобы обедать мы садились в одно и то же время, за столом – ни разговоров, ни шалостей. Родители были для нас примером. Маму я запомнила доброй, отзывчивой, сострадательной. Ещё до войны, до революции она всегда помогала нищим. Позовёт их, помоеет, накормит, зимой на печку посадит – греться; только потом отпустит. Тётка Лена скажет: «Катя, они же вшивые! Ну что ты с ними нянчишься». А мама ответит: «Слушай, они же голодные! Надо им помочь».

Отец маму кроме как «Катенька» никак больше не называл. А нас как дрессировал! Если видит, что мама надрывается, а мы рядом бездельничаем – и попадало же нам от него! Ведь у мамы семья 9 человек: всех накорми, обстирай. Да ещё хозяйство было, огороды. Отец, бывало, возьмёт с собой на огород и подгоняет: «давай, пошёл, пошёл, давай работай, давай не отставай». Да и нравы были строгие. Когда старше-

му брату отмечали восемнадцать лет, я у мамы просила разрешения посмотреть, как будут танцевать. Целый день хвостиком ходила. Мама сказала: «Если отец разрешит, то посмотришь». Детей в застолье никогда не брали. Отец и мама были гостеприимными хозяевами, народу ходило много, но никогда за взрослым столом не присутствовали дети. Вольничать нам не разрешали.

У каждого из нас, считал отец, должен быть музыкальный инструмент, обязательно должны быть лыжи и коньки. Один мой брат играл на балалайке, другой – на мандолине; у третьего была гитара. А когда мы были совсем маленькие, отец для нас, детей, во дворе построил дом. В округе ребят было много, а заборов не было, и все ходили в гости друг к другу. Поскольку семья у нас была большая, мама не могла всех детей в доме принимать. Вот отец и выстроил для ребятшек домик во дворе. Вся деревня к нам играть бегала. Потом и спектакли ставили сами. Соберётся человек тридцать: 5–10 сценки показывают, остальные – зрители. У нас умер воробей, мы сделали ему гробик и устроили шествие, 20 человек шли хоронить воробья. До войны играли дети в лапту, на санках катались. Зимой лёд на реке расчищали, ставили столб, к столбу приделывали жердь, а к концу жерди привязывали санки – получалась карусель. Кто-то в санки садился, кто-то жердь толкал, так по очереди и катались. А с горки на санках! Куча-мала! В доме на горе, где сейчас живут престарелые, раньше учителя жили. Один учитель всё вре-

мя на этой горе с нами катался – на фанерине большой или санях. У нас было детство! Игры были круглый год: весной играли в одну игру, зимой – в другую. На лыжах, на санках катались. Купались. Я дважды Неву переплывала! С пяти лет меня брат посадил в лодку за вёсла. Настоящее детство! Конечно, всякое бывало – и ссорились, и мирились. Но мальчишки с девочками дружили. Дружили, играли и не думали ни о каких шалостях. Был у нас Ершов Колька, такой хулиган, забияка – сил никаких не было, дрался со всеми! Даже мальчишки его боялись. А во время Великой Отечественной войны он стал Героем Советского Союза.

В самом начале войны всех немецких колонистов, что на правом берегу Невы жили, по приказу Сталина в 24 часа выселили в Сибирь. Что значит «выселить в Сибирь», я хорошо знаю. В 1937-м наших родственников сослали в Сибирь, на Лену-реку. Всю семью, вместе с детьми. Привезли их на место поселения, а там – кругом лес. Так в лесу их и оставили. Что успели из дома захватить, то с собой и было. Соорудили они плот и на плоту стали спускаться по Лене, а река эта очень быстрая. Тётка моя, когда домой вернулась, рассказывала, что берега были страшные, крутые, да ещё в лесу зверья полно. Конечно, никакого оружия у них с собой не было, поэтому они боялись выйти на берег, чтобы сварить себе еду (пойманную рыбу). Так и плыли, пока не нашли какое-то подходящее место, чтобы пристать с этим плотом и поесть. Слава Богу, как-то выжили они в Сибири, а потом вернулись

в своё село Ивановское и там доживали век.

Ижорских мужиков тоже многих сослали в Сибирь. Раскулачивали. Отец мой уцелел, потому что сам отдал всё в колхоз: и лошадей, и коров – за месяц до раскулачивания, как чувствовал. Одно время мама работала в садике, да потом уволилась. Когда маме работать? У неё семья девять человек: старенькая бабушка, тётка моя – родная сестра отца, отец, нас, детей, пятеро. И пожар пережили, и стройку, и раскулачивание – время тяжёлое. А тут ещё – война.

22 июня 1941-го день такой был красивый, солнечный! Мы не сразу поверили, что пришла беда. Говорили: «Да какой ещё сюда может прийти немец. Финны рядом были – и к нам не пришли, а немец тем более не придёт». Кстати, и не звали мы их финнами – звали «чухнами».

1 сентября мы ещё пошли в школу, но она очень скоро закрылась. Первое время стали коммерческое масло продавать (оно было дороже обычного), и нас троих – Татьяну Торопову (моя одноклассница и однофамилица), меня и Тосю Петрову – родители послали в Ленинград за коммерческим маслом. Мы поехали, купили его, а в «Колизее» шла картина «Истребитель». Масло-то мы купили, ну а как же в кино не сходить? Вышли из кино, пошли на пристань «Смольный». А нам говорят: «Всё, уже пароходы не ходят – во Мге немцы». Пошли на Московский вокзал – поезда не ходят: «Во Мге немцы». А уже вечер, поздно. Мы сели на трамвай (трамваи № 7, № 27 ходили до Рыбацкого). Кольцо было у

Рыбацкого моста (через Славянку, в войну там был КПП). Татьяна Торопова говорит, что у больницы, на улице Цимбалина, в бараках её тётка живет. Доехали мы до Цимбалина и пошли искать. Бараков много, а в каком из них Танина тётка живёт, племянница не знает. Случайно нашли, остались там ночевать. И тут начались первые обстрелы. Это было так страшно! Мы всю ночь не спали. А как рассвело, пошли пешком домой. Мамы наши с ума чуть не сошли – ну как же: ребятки пошли за маслом и не вернулись. Вот так началась для меня война. Уже был октябрь. В первых числах октября немец пришёл в село Ивановское, к реке Тосне. Раньше там была большая церковь. Первый парашютный десант был сброшен в посёлке Понтонном. Но там стоял батальон, он не дал приземлиться этим немцам. Война началась очень страшно.

8 сентября была последняя разводка мостов. Больше мостов не разводили, и в Неве, прямо напротив нас встали два военных корабля. Немец держал ориентир по этим кораблям, он здесь нас всё время обстреливал. Прямо под нашим окном разорвался снаряд, и всё было в осколках. Тётка, отцова сестра, была верующая, во время обстрела она держала в руках крест, и осколки пролетели между ней и крестом, упали на трюмо, а она осталась жива. До сих пор в стене есть место, пробитое осколками, мы не закрываем его, бережём, как реликвию. Рядом с нашим домом стоял двухэтажный дом, и, когда бомбили, бомба упала в туалет, но не разо-

рвалась. Однажды немец бомбил почту. Мы сидели в подвале почты, а снаряд попал в соседний дом. На почте стены толстые, и мы остались целы.

Со мной во время войны и не такие чудеса творились! Ещё когда поезд ходил до Ижоры, отец работал не то в Рыбацком, не то в Обухове – ездил на этом поезде. Только раз в неделю он приезжал домой. Мама отоваривала карточки и готовила отцу баночки, пакетики, чтобы он мог с собой взять и там готовить. Он приехал, а солнечный-солнечный день был! Взял он эти пакетики и пошёл на поезд. Но кое-что забыл, и мама отправила меня на станцию: «Беги скорей, отдай отцу». Я догнала отца, передала ему всё, и он уехал. А немец в это время начал обстрел. Я побежала. На мне платье было с юбкой клёш, много клиньев. Я бежала, юбка на мне развевалась, и мне осколками оборвало платье. Юбка превратилась в лохмотья, а я осталась жива! Вот какая доля секунды меня спасла?!

Во время войны в Ижоре все копали окопы. И у нас, и у соседей в огороде были окопы. Однажды во время бомбёжки я почему-то побежала в соседний окоп. Рядом с ним, в ручье, разорвался снаряд, и меня взрывной волной отбросило. Хорошо, что не ранило осколком, а только контузило. Мама меня домой понесла. При контузии больно шлёпает волной. Очень тяжёлое состояние! Зрение, слух, голос у человека могут пропасть. Но у меня через какое-то время всё восстановилось. Просто нужен покой. Мама принесла меня

в дом, уложила на кровать и велела всем вести себя тихо, не шуметь, меня не беспокоить, ни охать ни ахать. Я полежала и вскоре пришла в себя.

Во время войны мама для военных бельё стирала, а тем, кто на военных работал, давали карточку. Принесёт мама домой белья этого, а бельё-то всё вшивое! И мыла-то нет... Мама кипятила золу, и этой золой отстирывала, а мы из швов вшей сгребали.

Я, 1928 года рождения, тётка Шура Макарова и тётка Нюша – мы во время блокады ходили через Неву в лесопарк пилить дрова для Ленинграда. И нам давали хлеб по карточкам для служащих, а не для иждивенцев, – 200 граммов, а не 125. После войны мы хотели получить свидетельства участников войны, но все старые люди, которые могли подтвердить, что мы работали – пилили дрова для города, – к тому времени уже умерли. А мы трое не могли быть свидетелями друг для друга. Для государства мы только блокадники.

А ели мы клей столярный, казеиновый клей, лошадиные шкуры с больных лошадей. Шкуры эти были все в наростах. Уж и не знаю, откуда отец их притаскивал. Мы кусок шкуры на проволоку наматывали, в печи обжигали, а потом вымачивали и из него студень варили. Вот благодаря этим шкурам мы и остались живы. А ещё как-то раз на станции разгружали вагоны и просыпали муку. Мама собрала горсть муки с песком, сварила с травой болтушку, и мы ели и даже не замечали, как песок на зубах скрипит. Да ещё военные, в ос-

новном люди добрые, иногда помогали, делились с нами. Но бывало по-разному.

Брат Павел, военврач, ушёл на фронт, а Славка, его трёх-летний сынок, остался у нас. В нашем доме поселились два ветврача. Один майор, другой подполковник. Им с передовой приносили большущими кусками конину. Они на кухне в другой половине дома варили эту конину, а Славка подойдёт, ручки на стол положит и смотрит, как они конину едят. Ну хоть бы кусочек отщипнули ребёнку! Такие жадные были! И это во время блокады... Мама же строго-настрого запрещала на их половину ходить и нас ругала, если мы не уследим, как ребёнок опять туда побежал.

Был у нас в Ижоре во время блокады милиционер Петров, участковый. Солдатики – молодые семнадцатилетние ребята. Идут они на фронт, а шинели на них болтаются, как на вешалках. Обратного немногие возвращались. И у нас стояли такие военные. Помню, одного мальчишку звали Яшка. Ещё была жива в части какая-то лошадь, и этот Яшка взял из кормушки горсть овса. Нажаловалась на него Петрову тётка Дуня. Петров Яшку вызвал и жестоко побил, а потом потребовал, чтобы тот и ему принес овса. Яшка отказался. И вот, избитый, прибежал он в наш дом, кинулся к маме, головой в колени уткнулся и рыдал как ребёнок: «Тётя Катя, он меня так бил! Так бил! За горсть овса!». А какое право имел этот Петров бить военного человека! Провинился солдат – скажи командиру. Люди всякие были... Но больше людей было

добрых.

По весне, значит – в 1942-м, когда Нева вскрылась, поплыли по реке утопленники! Наши убитые военные это были. Из воды их вылавливали: кого крючком, кого голыми руками. Здесь, под берегом у нас, и схоронены. Поскольку мама считалась домохозяйкой, поселковый совет обязал её заниматься похоронами. Прямо вдоль берега и копали могилы. Только какие это были могилы! Одно название. Не могила – ямка в несколько лопат. И переодеть-то покойников не во что было. Живые-то сами еле ноги передвигали, за исключением этого Петрова.

После зимы 1941/1942 г., ещё по морозцу, у церкви Александра Невского столько мертвецов было! Покойников этих собирали и свозили к Владимирской церкви. Военные на поле рядом с церковью сделали большую воронку – взорвали снаряд. В эту братскую могилу ижорцы покойников на санках свозили отовсюду: от храма, с дорог. Помню, мы с мамой шли мимо церкви Александра Невского, а там женщина мёртвая лежала в красной кофточке с ребёнком на груди. Мы с мамой погрузили их на саночки и повезли хоронить к Владимирской церкви. До сих пор помню эту женщину с малышом. Вообще очень страшно всё было! Очень тяжело. Но только как-то переживали всё это, никто не плакал. Это сейчас стали плакать. А тогда было так: тяжело, но жить надо, надо терпеть. Никто не охал, не причитал.

А ещё есть хотелось очень, хлеба хотелось! Я тогда уж и

не думала, что когда-нибудь буду хлеб досыта есть. Во время блокады продовольственные карточки надо было прикрепить к какому-нибудь магазину. У нас в Славянке был метростроевский лесопильный завод (ныне остановка «Шестой лесопильный»), и мы прикрепились к магазину при этом заводе, потому что там снабжение было лучше. Мы с Татьяной Тороповой вставали в 3 часа ночи и ходили туда за хлебом, отоваривать карточки. А было-то нам по 13–14 лет. Никто нас не трогал – война была.

Все продавцы знали, что две ижорские девчонки приходят первые очередь занимать, потому что хлеба привозили столько, что не всегда хватало, чтобы отоварить карточки. Обычно хлеб выкупали за сегодняшний и завтрашний день (если хлеба хватало). Не отоваривали ни прошлым днём, ни наперёд. Не успел – карточки пропадают. И раньше их отоварить мы не могли. Карточка была рассчитана на месяц и состояла из талонов, на каждом из которых стояли вес и дата.

Когда немец занял Московскую Славянку, оттуда в Ижору пришла мамина подруга со своим ребятёнком. Как-то раз пошла она получать продовольственные карточки на завод «Большевик» (там её муж работал) и попала под обстрел, погибла. Сынишку её, Лёньку, мальчика 7–8 лет, мама забрала к нам. Когда она привела этого мальчика, отец как раз дома был на побывке. Он не сказал маме: «Зачем ты его к нам ведёшь?». Спросил только: «Чем же ты будешь его кормить?». Ничего у нас не было. И этот Лёнька остался у нас жить, всю

блокаду жил. Как мама могла его выставить? Это же был сын подруги. Жила у нас ещё племянница отца. У тётки Дуни, сестры отца, было пятеро детей. Старший сын Митя сразу погиб на фронте. Второй её сын, Михаил, и мой брат Георгий заканчивали военно-техническое училище на Литейном проспекте. Они не успели получить аттестаты – их выпустили из училища раньше времени, и, присвоив звания лейтенантов, отправили на фронт, в Прибалтику. Миша погиб в первые часы войны. У тётки Дуни остались три дочери. Одну из них мама забрала к нам.

Брат Георгий с первых дней ушёл на фронт, с первых часов был на войне. Был ранен и отправлен на лечение в Челябинскую область, в село Чебаркуль, а после выписки попал на Сталинградский фронт и прошёл от Сталинграда до Вены. Младший брат, Дмитрий, от Невской Дубровки дошагал до Берлина. Старший брат Павел, военврач полка, был на финском фронте и закончил войну в Порт-Артуре, в русско-японскую кампанию после окончания Великой Отечественной войны. Все вернулись домой. Средний и младший имели ранения. А баты (1887 г.р.) на фронт не взяли, потому что он в Первую мировую войну потерял пальцы на правой руке. Но он был военнообязанный и во время войны сначала работал на Ижорских заводах, а потом где-то в Рыбцаком.

В войну, конечно, никакой школы не было. Но после войны сколько мы работали, чтобы восстановить наше хозяйство! Отец нам спуска не давал. Мы на танцы бегали только

с его разрешения. А мог и не пустить. Танцевать мы ездили в ДК «Кировский». А ещё на Понтонном были танцы, в Ижоре танцплощадка. У нас оркестр играл: то струнный, то духовой. Музыканты – свои, ижорские ребята; все танцевали, и никаких денег не платили. По вечерам танцы были на мосту, танцевали вальс, танго.

Когда война кончилась, мы с отцом в поисках, чем отапливать наш большой дом, ездили на лодке выше порогов. Там он разбирал окопы и делал из них плоты. А я зачалюсь за баржи и поднимаюсь выше порогов. Отец эти плоты зачаливал за лодку, и я была как бы буксир. Пороги очень страшные. Там сильное течение, а потом после заводи отмель. И вот надо эту отмель проскочить, попасть в течение и плот не разбить. Отец: «Греби здоровее». А какой из меня гребец? Сил нет... а я всё равно гребу! С детства мы не были избалованы, на жизнь себе добывали трудом. Когда НИИЭФА и посёлок Металлострой начали строиться, нас стали звать «ижорскими куркулями». А ижорские «куркули» работали. Мама рассказывала, что отец, когда этот дом летом в белые ночи строил, в 12 ночи ложился, а в 3 утра уже вставал. Некогда было спать. Ведь ещё и на работу ходил – надо было деньги на семью зарабатывать. По тому времени отец был грамотный – он закончил шесть классов. А когда мы учились в десятом, он с нами уроки делал, самообразованием занимался. На Ижорских заводах он работал мастером – не за станком стоял, а руководил бригадой, потому что был грамотный че-

ловек. Почерк у него очень красивый был.

После войны я пошла в обычную школу, потом в 18 лет поступила на работу и ходила в вечернюю школу. Ходила и на курсы повышения квалификации, чтобы мне работать по своей специальности. У нас долго никакого наземного транспорта не было. Автобусы только после войны ходить стали. До города мы добирались поездом, который шёл по московской дороге. Поезд (не электричка) ходил два раза в день: утром в 7 часов и вечером в 7. Чтобы попасть на работу в город, я должна была выйти из дома в полшестого утра. Вечером в половине десятого возвращалась домой, а на следующий день в полшестого мне опять надо идти. И ходили, и не обращали внимания на эти трудности – никаких претензий, люди были не капризные.

Работала я в порту. 50 лет в одной организации и всё с мужчинами. Со мной считались, не было никаких каверз. Наоборот, начальник (в последние 20 лет моей работы) Рафаил Абрамович, бывало, скажет: «Сделаем, как сказала Васильевна» (я то есть). Должности были разные: и оператор, и приёмосдатчик (я после школы курсы приёмосдатчиков окончила), и диспетчер, и мастер, и начальник смены. Но больше всего мне нравилась работа диспетчера. Надо было составлять график движения погрузки и выгрузки судов, отслеживать его выполнение. Выгружаем, грузим, в разводку отправляем, с разводки принимаем – всё в движении. И так мне нравилось это движение! Случалось, конечно, что бри-

гада не работает, не разгружаются суда. Без матерщины, казалось бы, не обойтись, да только воспитание, полученное в детстве, это не позволяло: в нашем доме нельзя было чёрта помянуть, а если кто не сдержится, так надо было прощения просить. И травма за всё время только один раз в мою смену случилась у бригадира, небольшая. В общем, судьба уберегла. Работала я с удовольствием! Новых работников обучала. Сколько лет работала – столько лет и учила. А когда у меня дети появились, я вообще не знаю, как я жила, когда спала – выходила только в ночную смену. У меня ведь и ребятишки, и огород. Так что жизнь была очень насыщенная!

И, конечно, до последнего мы ухаживали за родителями. Мама ушла в 79 лет. У неё был инсульт, руки, ноги не работали, она лежала, но говорить могла. И вот, пока я на работе, к ней по очереди приходили соседи – посидеть, поговорить. Мне было легко, потому что и сестра, Антонина Васильевна, и наши соседи маму одну не оставляли – все ходили с удовольствием, и меня на работу отпускали. Мама всегда к людям была приветлива и внимательна, вот и её все любили.

У меня есть сын, дочь, они у меня молодцы! Когда подросли, всегда мне помогали: и деньгами, и физически. Никогда не говорили: «Не будем, не хотим». Я не знаю капризных детей – у меня их не было. Я очень счастливый человек! У меня хорошая старость: дети меня уважают, считаются со мной, я всем довольна. Ни на кого не сетую, и только Богу молюсь, чтобы всё было спокойно, все жили без ругани, без

скандала, чтобы всё у всех было хорошо.

Записала Софья Казакевич

Октябрь-декабрь 2014 г.

МЫ БОГАТЫЕ! У МЕНЯ БУХАНКА ХЛЕБА!

Владимир Горячев

Родился я в Усть-Ижоре в 1937 г. в семье Екатерины Михайловны Горячевой и Алексея Ивановича Епифанова. Отец появился здесь до войны – он подковывал лошадей в Усть-Ижоре. Тогда и познакомился с матерью. Когда мама привела его в дом, дед сказал: «Если ты “никто” и звать тебя “никак” – бери нашу фамилию или уходи». Так отец, а потом и все мы, дети, стали Горячевыми. В школе у нас оказалось два Горячевых, так что нам с однофамильцем пришлось разделить: на время учёбы я стал Горячёв, а он остался Горячевым.

В нашей семье было трое сыновей: Сергей 1927 г.р., Виктор 1930-го и я, Владимир. Отец устроился работать кузнецом на Троицком поле, на заводе «Большевик».

С наступлением войны транспорт из посёлка в город ходить перестал, поэтому отец каждый день добирался до завода пешком. С наступлением холодов, когда ввели казарменное положение, он стал жить на заводе. А через некоторое время (уже в 1942 г.) матери позвонили и сказали: «Приезжайте, забирайте. Умер от голода». Так мы остались без отца.

Во время блокады, когда есть было нечего, пятнадцатилетний брат Сергей и другие ребята того же возраста искали неразорвавшиеся мины. Из мин они добывали тол, запал, бикфордов шнур, потом делали шашки и глушили рыбу в реке. Но однажды случилась беда. Уходя на «рыбалку», Сергей сказал мне: «Вовка, ставь сковороду, сейчас рыбу принесу». Дом у нас стоял на берегу Невы, в первой линии. Только Сергей ушёл, слышу – оглушительный взрыв. Выбегаю и вижу – Серёжка тонет. Он как-то неловко бросил шашку, она у него прямо в руке взорвалась... и руку оторвало. А у нас напротив дома под горой, у воды, в землянке был медсанбат – сюда раненых с «пяточка» привозили: без рук, без ног. Отнесли Серёжку в медсанбат и отняли остатки руки по самое некуда: там всё разорвано было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.